

С. Б. Лебедев

**А. Н. ПЫПИН И ЕГО ПРОЕКТ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА БАЛКАНЫ**

На протяжении всей общественной и научной деятельности Александра Николаевича Пыпина (1833—1904 гг.)¹ славянство во многих аспектах: этнография, история, литература, фольклор, язык, культура, памятники письменности и истории — привлекало его внимание. В своих многочисленных публикациях исследователь поставил и обосновал вопрос об общественной значимости славяноведения, указав на тесную связь славистики с развитием национального самосознания. Пыпин с демократических позиций подходил к проблеме так называемой «славянской взаимности». Он был сторонником национальной независимости братских народов, поддерживал борьбу славян, не имевших своей государственности, за национальное самоопределение. Постоянно подчеркивая наличие общих элементов в культуре славянских народов, ученый неоднократно заявлял о себе как о противнике «панславистской идеи».

События 1875—1878 гг. на Балканах усилили внимание А. Н. Пыпина к вопросам славистики. Он активно включается в обсуждение славянского вопроса на страницах печати, участвует в целом ряде общественных начинаний. Огромна роль А. Н. Пыпина в ознакомлении русского общества как с современным ему состоянием славянского мира, так и с его историей, культурой, литературой. В период с 1875 по 1876 г. он более 50 раз выступает со статьями, рецензиями, заметками в журнале «Вестник Европы», в котором возглавлял отделы науки и библиографии. Пыпин старался привлечь на страницы «Вестника Европы» крупнейших славистов своего времени. Так, например, он сообщал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу 27 августа 1875 г.: «Сейчас получил сведения еще об одной статье, предлагаемой для „В[естника] Е[вропы]“; это Ровинский, еще из его исследований по Сербии, с общим содержанием, что по настоящему времени очень кстати»². «Мне казалось,— писал Стасюлевичу Пыпин 17/29 июля 1876 г.,— нелишне бы поместить в „Вест[нике] [Европы]“ нечто по поводу балканских событий... и мне опять пришла в голову статья Драгом[анова] о Болгарии... Было бы любопытно и другое: собрать по возможности выходящие книги и брошюры о Болгарии etc., фран[цузские], немецкие, английские, и делать целый обзор этой литературы»³.

¹ Барсков Я. Л. Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903. СПб., 1903; Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук. Пг., 1917, ч. II, с. 72—121; Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.-Л., 1959; Мыльников А. С. Пыпин Александр Николаевич.— В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 286—289, Библиография.

² Отдел рукописей Ин-та русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ), ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, № 26.

³ Там же, № 32.

В 1879 г. выходит первый том «Истории славянских литератур», в котором рассматривается литература южных и восточных славян (за исключением русской литературы). В книге охвачен литературный процесс за тысячелетний период исторического развития этих народов. «История» представляла собой значительно дополненный и переработанный «Обзор истории славянских литератур» (1865 г.)⁴.

Книга нашла горячий отклик в славянских странах. «Искреннейше благодарю Вас с первым томом „Истории славянских литератур“, который прочел с наслаждением... Многие из моих соотечественников желают увидеть этот Ваш труд переведенным на болгарский язык, что надеюсь и будет сделано...», — писал Пыпину 25 ноября 1879 г. М. С. Дринов⁵. Председатель болгарского народного собрания Антим Видинский в телеграмме на имя А. Н. Пыпина от 24 марта 1879 г. сообщал из Тырново: «Вашими трудами по болгарской истории и литературе, защитой болгарского народа перед многочисленными недрузьями, а клеветниками, в печати по вопросам о правах и характере современных болгар, вашим неизменным и бескорыстнейшим сочувствием болгарскому народу — вы приобрели право на глубокое уважение и искреннюю благодарность всех болгар. Исполняя желание болгарского населения в княжестве, народное собрание благодарит вас за все вышепоименованные услуги и приносит вам свои собственные почтения»⁶.

Появление в 1880 г. на страницах «Известий императорского Русского географического общества» записки А. Н. Пыпина «Предложения об историко-этнографическом изучении южно-славянских земель, особенно Болгарии»⁷ и события, связанные с ней, явились заметной страницей в истории отечественной славистики конца 70 — начала 80-х гг. Эта сторона деятельности А. Н. Пыпина специально не рассматривалась, хотя некоторые аспекты ее затрагивались в ряде публикаций⁸.

В конце 1876 г. произошла встреча А. Н. Пыпина с князем В. А. Черкасским⁹, «которого молва уже назначила будущим гражданским правителем Болгарии», — писал в марте 1878 г. А. Н. Пыпин А. Н. Веселовскому, — ...я высказывал кн. Черкасскому свои мысли о том, как необходимо и в высокой степени полезно было бы изучение Болгарии в историко-этнографическом отношении, полезно и для нас, и для освобожденных болгар. Он просил меня изложить эти мысли в записке, что я и сделал в ноябре 1876 года»¹⁰.

В «Записке», направленной кн. В. А. Черкасскому, А. Н. Пыпин доказывал необходимость незамедлительной организации экспедиции, с

⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Спб., 1879, т. I; *их же*. Обзор истории славянских литератур. Спб., 1865.

⁵ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 81; Марин Стоянов Дринов (1838—1906 гг.) — выдающийся славист, болгарин, профессор Харьковского университета. В 1877—1878 гг. входил в состав временной русской администрации, был вице-губернатором Софии; в 1878—1879 гг. исполнял обязанности Министра народного просвещения Болгарии.

⁶ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 54; текст телеграммы опубликован с искажением в «Вестнике Европы», 1879, май, с. 436.

⁷ Пыпин А. Н. Предложения об историко-этнографическом изучении южно-славянских земель, особенно Болгария (1876 г.). — Известия императорского Русского географического общества, 1880, т. XVI, в. I, отд. II, с. 1—11; то же. Отдельный оттиск, 11 с. (далее — «Записка»).

⁸ Јагић В. Спомени мојега живота. Београд, 1930, т. I; Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М.—Л., 1963, с. 167—168, с. 398—399 (комментарий Г. П. Блок); Мельц М. Я. А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян. — Русский фольклор. Народная поэзия славян. В. VIII, М.—Л., 1963, с. 369; Матвеева Т. П. К истории русско-болгарских контактов в области географической науки. — Изв. Всесоюз. географ. об-ва, 1978, т. 110, в. 6, ноябрь, с. 551.

⁹ Князь В. А. Черкасский (1824—1878 гг.) — политический деятель, близкий к либеральной части славянофилов. Деятельный член Московского Славянского общества, он возглавил устройство гражданского управления Болгарии.

¹⁰ Письмо А. Н. Пыпина А. Н. Веселовскому — Архив АН СССР (далее — ААН), ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, л. 14; Ср.: Черновик письма А. Н. Пыпина А. Н. Веселовскому (1878 г.) — ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 14; см. также: Черновик письма А. Н. Пыпина В. А. Черкасскому. Ноябрь 1876 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 89, л. 1. Письмо К. Д. Кавелина А. Н. Пыпину от 22 ноября 1877 г. — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки (далее — ГПБ), ф. 621, ед. хр. 362, л. 21—22.

целью содействия «историческому и этнографическому изучению родины наших южнославянских единоплеменников». Касаясь подбора участников экспедиции, в сопроводительном письме Черкасскому ученый отмечал: «Выбор людей в экспедицию требовал бы особого внимания. Он может быть невелик — экспедиция из трех человек могла бы сделать очень многое... Мне представляется прежде всего лицо Вам уже известное: Дринов — профессор Харьковского университета. Другие лица могли бы быть указаны нашими специалистами, профессорами Буслаевым в Москве, Срезневским и Ламанским в Петербурге, и также В. Ягичем в Берлине. Ягич, хорват родом, профессор в Одессе, один из лучших славянских ученых, мог бы вообще быть очень полезен экспедиции своими советами, если бы он согласился (к нему можно писать по-русски). Относительно Дринова, быть может, не излишне теперь же отпустить его в отпуск в министерстве народного просвещения, в случае надобности»¹¹.

Прошло более года, от князя Черкасского известий о судьбе «Записки» не поступало. Возможно, узнав о кончине В. А. Черкасского 19 февраля 1878 г., в день заключения Сан-Стефанского мирного договора, Пыпин передал адъютанту Отделения русского языка и словесности профессору Петербургского университета будущему академику А. Н. Веселовскому копию «Записки», которую просил доложить Отделению¹².

В сопроводительном письме А. Н. Пыпин сообщил А. Н. Веселовскому: «Не имея сведений о лицах и положении гражданского управления Болгарии, я не мог бы вновь начать речь об этом предмете, иначе, как сообщивши свою записку II Отделению А[кадемии] Н[аук]... Мне кажется, что ученая экспедиция... не требует поспешности...; первое время после войны еще не совсем удобно для „муз“; не вдруг могут найтись и компетентные люди, и средства для восполнения экспедиции. Но важно, чтобы она могла начать свою деятельность еще во время русской оккупации, чтобы установить свое положение к официальным властям и удобнее ориентироваться в стране. Исполнителями едва ли могут быть в настоящую минуту одни болгары — за недостатком между ними людей с научной специальной подготовкой; но участие болгар необходимо как для общей постановки дела, так и для частных исследований, какковы — записывание устных произведений народной словесности, наблюдения местных говоров и т. п. Русские и, может быть, еще другие славянские научные силы, могли бы с великой пользой (и русские *должны*) принять участие в деле. Общее заведование экспедицией могло бы, без сомнения, с успехом быть предоставлено именно болгарину, или болгарскому и русскому ученому вдвоем; болгарский ученый, которого я разумею, есть М. С. Дринов, лучший в настоящее время знаток болгарской истории и современного быта. В моральном отношении для болгар такое назначение было бы, кажется, не лишено важности. Вещественные коллекции — возможные собрания рукописей, этнографические предметы, надписи, монеты и проч., — должны быть оставлены в Болгарии (кроме, разумеется, случаев частного приобретения), где могли бы послужить основанием для Народного музея или книгохранилища, как самая экспедиция (ее члены из болгар) могла бы стать зародышем „ученого Дружества“... Без инициативы высших учреждений выполнение подобных экспедиций невозможно; но если французское министерство просвещения могло дать Ог. Дозону специальную миссию исследования песен Верковича¹³, то кольми паче — казалось мне — экспеди-

¹¹ ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 89, лл. 2—3. Приводим письмо без указания о сокращениях слов в тексте.

¹² Пыпин А. Н. Предложения об историко-этнографическом изучении южнославянских земель, особенно Болгарии. — ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, л. 1—13; см. Черновик «Записки». 1876, ноябрь. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 81.

¹³ Огюст Дозон — французский славист, исследователь фольклора южных славян, автор ряда работ о народных песнях балканских народов. В начале 70-х гг. выехал на Балканы. С. Веркович — собиратель болгарского народного творчества. Большинство опубликованных им народных песен считались подделкой. О. Дозон в отчете о своей поездке на Балканы признал собранные Верковичем тексты подлинными.

ция для историко-этнографического изучения Болгарии могла бы быть достойным делом и делом для высшего ученого учреждения в России. Записка предоставляется в полное распоряжение Отделения. Преданный Вам А. Пыпин. Март. 1878»¹⁴.

А. Н. Веселовский весной 1878 г. доложил о предложении А. Н. Пыпина Отделению русского языка и словесности¹⁵, которое постановило «приступить к обсуждению мер для осуществления проекта означенной экспедиции, как скоро положение Болгарии выяснится более определенным образом»¹⁶.

К этому времени был заключен в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.) мирный договор между Россией и Турцией, который предусматривал полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии. Болгария получила широкую политическую автономию в рамках Османской империи, территория нового Болгарского княжества увеличивалась. Однако международная обстановка из-за позиции великих держав, опасавшихся усиления России на Балканах, была напряженной.

А. Н. Пыпин не мог не видеть, что русское правительство неспособно разрешить Балканский вопрос. Россия стояла перед угрозой общеевропейской войны, ее материальные ресурсы значительно истощились. «Славянские дела, конечно, в мудренном положении,— писал Пыпин Ягичу 29 апреля 1878 г.— „Компетентных“ людей, которые знают, что делать и будет делаться в Болгарии, я не знаю; где они, мне неизвестно. „Общество“ и доселе не понимает, в чем дело. Как только кончилась война, в наших газетах о Болгарии ни слуху ни духу, о Сербии и Черногории — также. На первый план выступили наши домашние дела, свойство которых Вы, вероятно, знаете из газет. Утверждают (не знаю, правда ли), что эти дела не остались без значительного влияния на уступчивость в высшей политике. Люди рассудительные думали давно, что следовало не „обезоруживать болгар“ (боясь, что они обидят турок, а турки — это тот Кит Китыч в комедии Островского, о котором домашние говорят, что его нельзя обидеть потому, что он „сам всякого обидит“). Их [болгар — С. Л.] надо было, напротив, вооружить, сказав прямо, что народ должен (хоть и с нашей помощью) сам защищать то, что для него добыто. Только этим путем, сознанием дела и собственными усилиями народ может приобрести самобытность. Вооруженный Балканский (т. е. славянский) полуостров заставил бы, напр[имер], хоть Австрию держаться поскромнее. Но для этого надо было выставить принцип настоящей народной самодеятельности, а этого, кажется, избегают... Если силы есть в южном славянстве, оно выдержит нынешнюю неумелость и поправится потом; но, к сожалению, нынешняя неумелость может много затруднить и испортить для будущего»¹⁷.

1 июля 1878 г. был подписан новый мирный договор — Берлинский, оставивший в силе решение о независимости Черногории, Сербии и Румынии; автономия Болгарского княжества была урезана, территория его уменьшена. До ратификации Берлинского договора великими державами был установлен срок пребывания русских войск в Болгарии — девять месяцев. На Россию возлагалась организация правительственной власти в княжестве и самоуправления на местах.

У императорской Академии наук не было причин откладывать рассмотрение вопроса о болгарской экспедиции, тем не менее дело вперед не двигалось. 12 декабря 1878 г. А. Н. Пыпин направил в Болгарию М. С. Дринову письмо, надеясь узнать о судьбе своей записки¹⁸, но не получил ответа. 4 августа 1879 г. находившийся в Петербурге Председатель Народного собрания Антим Видинский, возглавлявший делега-

¹⁴ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, лл. 14—15 об.

¹⁵ Письмо А. Н. Веселовского А. Н. Пыпину. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 51, л. 18.

¹⁶ ААН, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 166, л. 13 об.; извлечение из протоколов Отделения русского языка и словесности. Сентябрь — декабрь 1879 г. — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (далее — Сб. ОРЯС), Спб., 1881, т. XXI, с. IV.

¹⁷ Ягичъ В. *Op. cit.*, с. 422.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 621, ед. хр. 8 (Черновик письма А. Н. Пыпина М. С. Дринову).

цию Болгарского княжества, телеграммой предложил А. Н. Пыпину встречу. В архиве ученого сохранилась фотокарточка Антима Видинского с датой «5 августа 1879 года в Лавре», косвенно подтверждающая, что эта встреча состоялась. В делегацию входил и митрополит Климент, впоследствии возглавивший болгарское правительство и одновременно Министерство народного просвещения. По всей видимости, во время беседы был затронут и вопрос об экспедиции в Болгарию. Делегация болгар уехала из Петербурга 8 августа 1879 г.¹⁹

В декабре 1879 г. А. Н. Пыпин, наконец, получил от М. С. Дринова письмо, помеченное 26 ноября: «С Вашею... запискою меня познакомил покойный князь Черкасский... Он относился к Вашему проекту с полнейшим сочувствием и предложил заняться осуществлением его при первой возможности, которая, впрочем, ему не представилась. Вскоре после смерти Черкасского „Записка“ поступила в отдел народного просвещения, которым я заведывал. Императорский комиссар, члены его Совета, многие из интеллигентных болгар, которых я не замедлил познакомить с Вашим проектом, тоже отнеслись к нему (проекту — С. Л.) весьма сочувственно. Ввиду этого я надеялся, что при временном русском управлении в Болгарии удастся приступить к осуществлению Вашей прекрасной мысли... Но эта надежда... в конце концов оказалась тщетною. Положение вещей, вопреки моим ожиданиям, до самого конца русского Управления оставалось самым неблагоприятным для ученых занятий и экспедиций. Как русские деятели, так и интеллигенция болгарская оставались все время заваленными массою иных занятий и хлопот до такой степени, что, при всей своей доброй воле, не могли бы оказать с своей стороны никакого содействия ученым предприятиям, которые без такого содействия не могли бы пойти успешно»²⁰.

Получив письмо М. С. Дринова, А. Н. Пыпин вновь поднимает вопрос об экспедиции на Балканы. Он встречается с Председателем Этнографического отделения Русского географического общества Л. Н. Майковым, которому напоминает, что вопрос об экспедиции ранее ставился им перед членами Отделения русского языка и словесности Академии наук. В начале декабря 1879 г. Майков в письме сообщил Пыпину, что переговоры с некоторыми членами Отделения русского языка и словесности убедили его в маловероятности положительного решения вопроса об экспедиции «нынешним составом» Академии. Майков писал об «апатии, которая свойственна академии и будет особенно опасна в настоящем случае (вчера Грот забавно объяснил мне, что академия не может принять деятельного участия в экспедиции, потому, что академики все люди „пожилые“), о высказанном рядом академиков неудовольствии тем, что предложение об экспедиции вышло не из академической среды». «Итак, — подводил итоги Майков, — ... в Академию не дело обращаться... Я бы думал, что пусть на первый раз дело возбуждается параллельно в Академии и в Геогр[афическом] обществе. Пусть каждое из учреждений образует свою комиссию, и тогда комиссии, работая самостоятельно, додумаются до чего-нибудь... Совершенно согласен с Вами, что можно предоставить Академии первой печатать Вашу записку...»²¹.

В Отделении русского языка и словесности Академии наук, куда Пыпин вновь обратился в конце 1879 г. принимается такое решение: «...передать эту записку на предварительное обсуждение в императорское Русское географическое общество»²².

¹⁹ Телеграмма Антима (Анфима) Видинского от 4 августа 1879 г. А. Н. Пыпину; Фотокарточка Антима. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 54.

²⁰ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 81.

²¹ Письмо Л. Н. Майкова А. И. Пыпину — декабрь (начало) 1879 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, лл. 11—12; см. также: Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 4 декабря (1879 г.) — Там же, л. 9 — об.

²² Сб. ОРЯС, т. XXI, с. IV.

7 декабря 1879 г. «Записка» Пыпина была прочитана в Этнографическом отделении Русского географического общества. В своем выступлении академик Я. К. Грот «заявил, что предприятие это... встречает полное одобрение со стороны Академии, которая готова оказать ему свою нравственную поддержку». Секретарь императорского Русского археологического общества (в Петербурге) профессор И. В. Помяловский предложил поднять вопрос об экспедиции в Болгарию в обществе, а Председатель предварительного комитета VI съезда русских естествоиспытателей проф. А. Н. Бекетов заявил о своем намерении внести на рассмотрение съезда вопрос об изучении естественной истории Балканского полуострова²³.

Сообщение об упомянутом выше заседании Этнографического отдела Русского географического общества попало в газеты²⁴. В то же время А. Н. Пыпин отправил множество писем с информацией об этом заседании видным деятелям славистики.

М. С. Дринов одобрил передачу А. Н. Пыпиным «Записки» в Географическое общество. Он писал: «Дай бог, чтобы экспедиция осуществилась поскорее и осуществилась бы в тех широких размерах, какие предложены при первом обсуждении вопроса о ней в Географическом обществе... В Болгарии найдут для себя большую поживу как этнографы и археологи, так и натуралисты. Что же касается общественного значения экспедиции... оно окажется, быть может, важнее, чем можно предполагать... Ваша экспедиция в настоящее время могла бы принести болгарам и другую более осязаемую практическую пользу... Не сомневаюсь, что члены экспедиции везде будут встречаемы радушно и легко будут находить усердных и полезных чичероне. Хочется верить, что болгарское правительство найдет возможность прикомандировать к экспедиции нескольких толковых людей для содействия ученым и для научения у них. Желательно было бы, чтобы организаторы экспедиции заблаговременно вошли в сношения с министром народного просвещения и президентом министерского Совета епископом Климентом»²⁵.

Дальнейшие непосредственные переговоры уже с болгарским правительством вел находившийся в Софии В. В. Качановский. В письме от 27 января 1880 г. он информировал Пыпина о сочувственном отношении членов Народного собрания к идее посылки экспедиции, передавал свои разговоры с митрополитом Климентом²⁶, возглавлявшим правительство Болгарии и министерство народного просвещения: «По обсуждении вопроса совместно с товарищами он (Климент — С. Л.) заявил мне следующее: «Болгарское министерство очень радо русской ученой экспедиции и готово оказать ей полное содействие и в способах передвижения, и в квартирах, и в рабочих руках, и вообще во всех случаях, в каких бы члены экспедиции ни обратились к правительству; он, министр народного просвещения, внесет в смету на расходы по экспедиции до 100 тыс. франков, на ассигнование коих будет испрашивать в свое время разрешения Народного собрания, т. е. в марте, апреле...» В. В. Качановский писал: «Мысль пригласить к участию в экспедиции славянских ученых, по моему мнению, блестящая мысль, и не только в интересах науки, но и как в высшей степени полезная политически... Ввиду практической полезности для Болгарии геологических и статисти-

²³ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 4 декабря 1879 года.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 9; О предполагаемой русской ученой экспедиции в южно-славянские земли.— Журнал министерства народного просвещения (далее—ЖМНП), 1880, ч. ССХ, август, с. 35 (Современная летопись); см.: Черновик выступления А. Н. Пыпина.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 81, л. 8; записка Пыпина была прочитана также в отделении физической географии РГО.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 28.

²⁴ Научная экспедиция в Болгарию.— Новое время, 1879, 13 декабря, с. 1.

²⁵ Письмо Дринова А. Н. Пыпину от 18 декабря 1879 года.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 81.

²⁶ Климент (Василий Друмев) учился в Киеве. В 1874 г.— епископ в Тырново, затем митрополит, член Тырновского великого народного собрания (1879 г.); с ноября 1879 г. до марта 1880 г. возглавлял кабинет министров.

ческих исследований, покорно прошу при обсуждении программы и при снаряжении экспедиции обратить на это особое внимание...»²⁷.

Отделения этнографии, физической географии и статистики Географического общества создали для выработки плана экспедиции на Балканский полуостров сводную комиссию под председательством Л. Н. Майкова, в нее вошли: А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский, В. В. Стасов, В. В. Богишич, В. Г. Васильевский, П. А. Сырку, ректор Петербургского университета А. Н. Бекетов и др. В работе комиссии принимал самое активное участие вице-президент общества П. П. Семенов.

Предложение об организации экспедиции поддерживалось Русским археологическим обществом, от которого в состав комиссии вошли акад. А. Ф. Бычков, И. В. Помяловский и А. В. Прахов. Общество любителей древней письменности изъявило готовность издать «особо замечательные рукописи, если таковые будут найдены», а Московское археологическое общество «приняло на себя труд составить полный очерк программы для археологического отдела экспедиции»²⁸. 19 декабря 1879 г. при открытии VI съезда русских естествоиспытателей и врачей председательствовавший на съезде А. Н. Бекетов предложил обсудить вопрос «о снаряжении экспедиции для естественно-научного исследования Болгарии»²⁹.

Таким образом, четыре общественных научных организации России в конце 1879 г. начали работать над предложением А. Н. Пыпина. Академия наук обязалась оказать моральное содействие экспедиции. «Записка» Пыпина была опубликована в «Известиях Географического общества»³⁰, ее отдельные отиски были разосланы всем ведущим научным учреждениям России, видным отечественным и зарубежным деятелям славистики. «Записку» сопровождала просьба высказать замечания о готовящейся экспедиции. Председатель этнографического отделения Географического общества Л. Н. Майков, согласовывая адреса иностранных славистов, сообщал Пыпину, что он решил отослать «Записку» Ф. Рачки (Хорватия), в Югославянскую Академию, в Сербское ученое дружество, Г. Креку (Градецкий университет), А. Лескину (Лейпциг), Д. Даничичу, Мотковичу, Ф. Лайю (Загреб), П. А. Сырку, И. В. Ягичу и др.³¹.

Посылая в Софию В. В. Качановскому отдельный отиск своей «Записки», А. Н. Пыпин в черновике письма от 30 января 1880 г. просил передать ее «преосвящ[енному] Клименту и гг. министрам, а также тем бывшим (и будущим) депутатам болг[арского] собрания, которым записка будет наиболее любопытна», Пыпин подчеркивал: «Относительно результатов экспедиции, если... она состоится, моя мысль была в самом начале та, что археол[огические] памят[ники], ...рукописи, этног[рафические] предметы, приобретенные экспедицией, останутся в Болгарии и послужат основанием Болгарского народного музея, при котором, быть может, основалось бы и Болгар[ское] ученое общество, посвященное изучению своей страны и вообще просвещению»³².

Информация о готовящейся Балканской экспедиции появилась в западной прессе и в самой Болгарии.

²⁷ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 110; см. также: Телеграмма В. В. Качановского А. Н. Пыпину от 23 декабря 1879 г.— Там же.

²⁸ Архив Географического общества СССР (далее АГО), ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 17; Новое время, 1882, 8/20 января, с. 1; ЖМНП, 1880, август, с. 35—36 (Современная летопись); Письма Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 12 и 28 декабря 1879 года, 6 апреля 1881 года.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 7—об., 14, 25.

²⁹ VI съезд русских естествоиспытателей и врачей.— Новое время, 1879, 21 декабря, с. 3.

³⁰ «Записка».

³¹ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 14 февраля 1880 г.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 15, 17; Письмо А. Н. Пыпина И. В. Ягичу от 26 декабря 1879 года.— В кн.: *Ягич В.* Op. cit., с. 429—430.

³² ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 30—об.

Весной 1880 г. Л. Н. Майков и П. П. Семенов посетили прибывшего в Петербург болгарского князя Александра Баттенберга³³: «Из слов его видно, что он, кажется, очень желает привлечения в члены экспедиции М. С. Дринова. Много... говорили о музее, и вообще хоть не обнаруживает ни знания вопроса, ни особенной любви к своей стране, однако... на его правительство, кажется, можно рассчитывать»³⁴. В свою очередь болгарский князь Александр довел до сведения русского императора Александра II о своем желании принять экспедицию русских ученых в Болгарию и получил его одобрение³⁵.

14 мая 1880 г. под председательством П. П. Семенова состоялось общее собрание Русского географического общества, где Л. Н. Майков рассказал «о ходе подготовительных работ по снаряжению экспедиции для исследования южно-славянских земель». «Правительственный вестник» опубликовал выдержки из намечаемой программы будущей экспедиции³⁶.

В августовском номере «Журнала министерства народного просвещения» появилось сообщение об утверждении советом Русского географического общества программы экспедиции, разделенной на две части — этнографическую и археологическую. Этнографическая часть программы состояла из двух отделов: изучение местных языков (наречия и говоры) и исследование быта народов, живущих на Балканах (славяне, румыны, греки, албанцы и турки). Особо отмечалась необходимость изучения памятников «письменности и старопечати», «таких изданий, которые вовсе не известны библиографам»³⁷. Речь шла о комплексной экспедиции в составе 8—10 человек с широкой программой историко-этнографических, фольклористических и статистических исследований.

К маю 1880 г. участвовать в экспедиции и содействовать ее осуществлению изъявили желание многие русские и зарубежные ученые: архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин), И. А. Бодуэн де Куртене, Р. Ф. Брандт, А. С. Будилович, Л. Гейтлер, Е. Е. Голубинский, М. С. Дринов, К. О. Иречек, Ф. Каниц, А. А. Кочубинский, Г. Крек, П. А. Кулаковский, П. А. Лавровский, В. В. Макушев, П. Маткович, Ф. Миклошич, Л. Милковский, Р. И. Недзвецкий, И. И. Первольф, М. П. Петровский, Н. А. Попов, А. А. Потебня, П. А. Ровинский, Я. Яблоновский, И. В. Ягич и мн. др.³⁸.

Характер и задачи экспедиции требовали больших материальных затрат, размер которых определялся в 60 тыс. руб.³⁹. Л. Н. Майков осенью 1880 г. вынужден был констатировать в своем письме А. Н. Пыпину, что «в настоящее время создание Комиссии [по Болгарской экспедиции, — С. Л.] не может иметь практической цели», несмотря на то что совет Русского географического общества одобрил записку Пыпина, «но не решился... ходатайствовать о... субсидии в столь значительных размерах». С другой стороны, Майков отмечал: «Предположим, что деньги у нас есть. Но есть ли у нас люди, которые могут ехать теперь же?». Майков предупредил о возможном отказе от субсидирования экспедиции, если не заручиться «поддержкой некоторых влиятельных

³³ Александр Баттенберг избран в апреле 1879 г. болгарским князем.

³⁴ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 8 марта 1880 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 20. Письмо Майкова Пыпину от 1 марта 1880 г. — Там же, лл. 1, 9.

³⁵ Всеподданнейший доклад Министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева. 1 декабря 1881 г. — АГО, ф. 1 — 1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 23, об. — 24.

³⁶ Правительственный вестник, 1880, 23 мая/4 июня, с. 2—3; Правительственный вестник, 1880, 17/29 мая, с. 2 (сообщение о заседании 14 мая 1880 г. Географического общества).

³⁷ ЖМНП, 1880, август, с. 37—43 (Современная летопись).

³⁸ Правительственный вестник, 1880, 23 мая, с. 2; см. также: ЖМНП 1880, август, с. 36 (Современная летопись); Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 1 марта 1880 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 19; Письмо А. Н. Пыпина И. В. Ягичу от 8/20 января 1880 года. — В кн.: *Jagič h V. Op. cit.*, с. 430; Письмо М. С. Дринова И. В. Ягичу от 14 января 1880 года. — Там же, с. 404.

³⁹ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 12, 11, 23 — об.; Отчет императорского Русского географического общества за 1880 г., Спб.; 1880, с. 37.

лиц»⁴⁰. В отчете о деятельности Географического общества за 1880 г. отмечалось, что у общества нет необходимых для экспедиции средств. «Тем не менее, — говорилось в отчете, — некоторые подготовительные работы уже начались: согласно представлению Отделения этнографии, Совет общества ассигновал некоторые пособия чл[ену] — сотр[уднику] П. А. Ровинскому, занимающемуся сбором этнографического материала в западной части Балканского полуострова; еще ранее того было оказано пособие свыше 350 рублей для приобретения метеорологических инструментов капитану Фрейману, который принял на себя ведение метеорологических наблюдений в Болгарии»⁴¹.

10 октября 1880 г. Генеральное консульство России в Филиппополе (Пловдиве — С. Л.) за подписью Генерального консула князя А. Н. Цертелёва запросило у Географического общества программу экспедиции, «дабы ко времени прибытия экспедиции в Восточную Румелию Генеральное консульство могло бы собрать сведения по вопросам, помещенным в программе экспедиции, и оказать ей свое содействие при исследовании края»⁴². Секретарь Общества В. И. Срезневский 22 ноября 1880 г. отвечал: «Что касается до времени снаряжения Болгарской экспедиции, то Географическое общество не может еще сообщить о том ничего определенного, так как в настоящее время еще недостаточно разъяснен вопрос об ассигновании на экспедицию средств в тех размерах, какие требуются ввиду обширности самого предприятия»⁴³. А. Н. Цертелёв и секретарь Генерального консульства С. В. Арсеньев (оба члены Русского географического общества) просили выслать программы и опросные листы по этнографии и археологии, «дабы к приезду комиссии она нашла бы уже готовый материал, который могла бы проверить». Генеральный консул в Филиппополе заверял Общество, что «местные газеты» напечатывают на болгарском языке извлечения из программы экспедиции и прислал Обществу «список населенных местностей, составленный тщательно властями Южной Болгарии». В конце своего письма от 12 декабря 1880 г. Цертелёв указывал: «Обращение собранных коллекций в достояние местных музеев будет принято весьма сочувственно. В Филиппополе уже основан музей, правда еще весьма бедный»⁴⁴.

В конце 1881 г. Александр Баттенберг уведомил Русское географическое общество о предоставлении необходимых 100 тыс. франков «для осуществления экспедиции, с тем лишь условием, чтобы предметы древности и этнографические, которые будут собраны экспедицией, послужили бы для основания национального музея в Софии, а дублеты означенных коллекций поступили бы в русские музеи». Из доклада Министра внутренних дел Игнатъева от 1 декабря 1881 г. явствует, что подтвержденное 22 ноября того же года «словесное» решение об ассигновании экспедиции Александром Баттенбергом «будет передано через посредство его (болгарского — С. Л.) министерства»⁴⁵ (русский император Александр III разрешил Русскому географическому обществу получить эту сумму). Вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов получил соответствующую инструкцию от 3 января 1882 г. из Министерства внутренних дел «о принятии императорским Русским географическим обществом суммы в 100 000 франков и о приведении в исполнение предполагаемой экспедиции в южно-славянские земли»⁴⁶.

⁴⁰ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 22 октября 1880 года. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 3—4.

⁴¹ Отчет императорского Русского географического общества за 1880 год. Спб., 1880, с. 37.

⁴² АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 13 — об.

⁴³ Там же, л. 14 — об.

⁴⁴ Там же, л. 15—16 — об.

⁴⁵ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 24 — об.; Тексты телеграмм И. В. Гримма болгарскому князю Александру на французском языке. — Там же, л. 19, 20.

⁴⁶ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 22, 23.

«Таким образом,— сообщало в январе 1882 г. своим читателям „Новое время“,— теперь русская ученая экспедиция в Болгарию, так сказать, накануне того, чтобы стать совершившимся фактом. Несколько веков турецкое иго покрывало густою завесой южных славян, скрывая их из вида и делая их недоступными для исследования науки,— до них не доходили ни человеколюбивые сочувствия, ни историческое знание»⁴⁷.

Председатель комиссии Л. Н. Майков более недоверчиво смотрел на будущее экспедиции; он вынужден был признать в письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1882 г.: «Русских денег все-таки еще нет, и недоумевая, можно ли начать дело без них. Вот задача, которую предстоит решить нашему совету»⁴⁸.

По всей видимости, деньги из Болгарии не поступили, а ухудшение отношений правительства Александра III с правительством Александра Баттенберга⁴⁹ решило исход дела об экспедиции на Балканы.

Вопрос об организации экспедиции на Балканы вновь был поднят в самом начале 1885 г., когда в первом номере «Известий Петербургского славянского благотворительного общества» появился призыв провести экспедицию, приурочив ее к 1000-летнему юбилею Мефодия⁵⁰.

1885 г. выявил противоречия между Россией и Болгарией, Сербо-болгарская война и вслед за тем перевороты 1886 г., отказ князя Александра от престола, приход к власти С. Стамболова и ориентация его правительства на союз с Австро-Венгрией и Германией привели к тому, что экспедиция была отложена, а затем и забыта. В то же время широкое обсуждение «Записки» А. Н. Пыпина в России и за ее рубежами, составление программы экспедиции, большая организационная работа по проведению в жизнь идей, в ней заключенных, ориентация на совместные исследования русских и иностранных славистов, главным образом болгарских ученых, не пропали даром. Предложение, внесенное А. Н. Пыпиным в 1876 г., события, с ним связанные (середина 70-х — середина 80-х гг.), дали новый толчок к развитию международного научного обмена, углублению связей между славистами многих стран в таких областях славистики, как история, филология, этнография, фольклористика, археология, палеография, музейное и библиотечное дело, география.

⁴⁷ Новое время. 1882, 8/20 января.

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 27.

⁴⁹ Об этом см.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 353—362.

⁵⁰ Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1885, № 1, с. 10—14 (Перепечатка сообщения об экспедиции с небольшими сокращениями из ЖМНП, 1880, авг.).

Э. А. Рикман

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТ
БУХАРЕСТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ**

Бухарестская социологическая школа (или как ее нередко называют Школа Густы) создана Димитрие Густы (1880—1955 гг.), крупным ученым, организатором науки и общественным деятелем, основателем и руководителем Кафедры и семинара социологии, этики и политики Философско-литературного факультета Университета Бухареста (с 1920 г.), Румынского социального института (1921—1948 гг.), Музея румынского села (с 1936 г.). Густы внес крупный вклад в мировую науку, и столетие со дня его рождения отмечалось по решению ЮНЕСКО. В буржуазной Румынии Густы проявил себя как ученый-демократ, сторонник социального прогресса. Однако он оставался буржуазным ре-